

Оставь меня, я сам умру

Тео Чун

Заболеть летом - это надо обладать недюжинной гениальностью. поэтому Тео ничуть не удивился, когда поутру обнаружил, что у него болит горло, нос заложен, а сам он чувствует себя так, словно всю ночь пил не просыхая, под утро его побили ногами, а сейчас у него жестокое похмелье. И было бы не так обидно, если бы это было правдой, так ведь нет, сидел себе тихо-мирно, никого не трогал, ни капли ни выпил, ни с кем не сцепился, а голова все равно болит, тело все равно ломит, а в горле дерет наждаком.

А самое неприятное заключалось в том, что младший не знал, как помочь себе самому. Вроде бы великий, мать его, врачеватель, а справиться с банальной простудой не может. Потому что сломай он ногу - он бы знал, как это исправить. Подстрелили кто его - он бы догадался, что сделать. А что делать, когда чувствуешь себя в дупель больным и разваливающимся? Правильно, поискать кого-нибудь, кто тебя пожалеет.

Как назло, никто сердобольный не находился. В иной бы ситуации и будь чуть помладше, Тео бы пошел жаловаться к матери, она пригреет и полечит, но матери нет, многочисленные подруги остались в Пекине, а новыми в монастыре Тео, в виду редкого своего тут появления, не обзавелся, хотя и стоило бы. Повалявшись в кровати примерно часа два, в течение которых он пытался осознать степень собственного несчастья, Тео понял, что придется заботиться о себе самому. И это было совершенно для него непривычно, ведь всегда был кто-то, кто бы это сделал, да еще и с превеликим удовольствием. Так что он принял героическое лечение сползть в лазарет и найти каких-нибудь лекарственных травок, которые его спасут. Ну хотя бы ромашку.

Тео немзыкально шмыгнул заложенным носом, чихнул и раненым насмерть героем вполз в лазарет.

Арлетта Давенпорт

Дежурство в лазарете воспринимать как серьезную обязанность у Арлетты до сих пор упорно не получалось. Обстоятельства каждый раз складывались в полный штиль, тяжелораненных в лазарет не поступало, а легкораненные, видать, зализывали царапины сами и бежали дальше мимо. Самое громкое, что обычно приключалось во время дежурства Арлетты - забегал Эмиль и носился по лазарету восторженными кругами, изображая то индейца, то бравого следопыта, то вообще не пойми кого. Навещал и сегодня, скакал между циновок бодрым жеребенком и ронял зачем-то притащенные из парка ветки.

Выставить Миля на улицу и пресечь разведение в лазарете бардака удалось не сразу - а потом Арлетта ушла в ту комнату, в которой бесился сын, убирать устроенный там творческий беспорядок. Поэтому встретить Тео сразу на пороге американка не смогла. И вообще эффектное появление полузадушенного насморком героя проморгала, явившись уже непосредственно на раздавшиеся внутри лазарета хрюкающие звуки заложенного носа.

- Здравствуй, - вежливо произнесла Арлетта, разглядывая Тео с мягким любопытством. И машинально переложила только что подобранные с пола ветки из одной руки в другую, словно левую ладонь ноша уже жгла и требовалось вот прямо срочно задействовать правую, ни на минуту не откладывая. По чарующим звукам насморка Арлетта догадывалась, какие такие важные дела привели юношу в лазарет - но как-то не догадалась предположить, что самостоятельно одолеть простуду для Тео ужасно сложно и поэтому нужно спешно парня спасать.

Тео Чун

Навстречу никто не выбросился и спасать его не поторопился. Тео мигом разочаровался в жестоком человечестве. Мало того, что тебе приходится рисковать своей жизнью по пути в лазарет, так еще и тут тебя никто не ждет с распростертыми объятиями. Вообще монастырь был подозрительно тих и умиротворен эти пару дней, что Тео в нем прожил, вырвавшись из смога и духоты Пекина на эти своеобразные каникулы. То ли дело когда они были мелкими - всегда что-то ломали, разносили, дрались, орали, устраивали саботаж и прочие репрессии, словом, всячески развлекали общественность. Нет, мелкота нынче совсем уже не та. Тео потер слезившийся от насморка правый глаз, прошел в маленькую комнатку, где обычно хранились все необходимые врачевателям лекарства.

- Здадвуйте, - прогундосил Тео, снова шмыгнув напроць забитым носом, что превращало его чарующий и приятный голос в некое подобие тех звуков, что издает расстроенная духовая труба. Он какое-то время несчастно взирал на Арлетту, которая почему-то и зачем-то держала ветки, которые, на взгляд Тео, точно не использовались во врачевании (или, что более вероятно, он об их использовании не знал и не горел желанием узнавать). И, еще раз чихнув, продолжил искать в ящиках ромашку, липу или хотя бы имбирь, чтобы, наконец, начать уже нормально дышать.

- А я дуд тдавки ищу.

Объяснил, да. Найдет коноплю, и будет счастлив. Связать появление тут Арлетты и его собственное пребывание в лазарете Тео связать воедино не смог - ввиду того, что мозг отключился и работать отказался, плавая в насморке, головной боли и состоянии общей разбитости.

Арлетта Давенпорт

Со страдающего Тео прямо сейчас можно было не то что портреты - масштабные полотна писать. Образ мученика юноше удавался великолепно, да ещё и, кажется, был совершенно искренним. Арлетта вполне допускала, что забористая простуда может довести до такого состояния, когда уже хочется только лечь пластом и сдохнуть наконец. Чтобы не мучиться больше вопросом, дышишь ты или не дышишь. Давенпорт сама подобное счастье схватывала пару раз. Повторять не хотелось ужасно.

- Будь здоров, - машинально пожелала Арлетта, хотя накрепко вбитая в голову вежливая реакция сейчас могла приобрести несколько издевательский оттенок. Давенпорт выглянула на крыльцо, оставить последствия Эмилева визита там, вернулась в комнату - и обнаружила, что раскопки, которые Тео проводил в поисках нужных ему трав, грозили затянуться до позднего вечера. Винить юношу в невнимательности, неумении или ещё чём-то таком было невозможно - Арлетта сама в этом засилье трав практически не разбиралась. И была уверена, что хоть

какого дежурного перед этими ящиками поставь - с ходу он нужных трав не найдёт, хоть ненадолго, да озадачится. А всё великолепная система хранения. Без каких-либо опознавательных знаков в помощь чайникам и прочим кастрюлям.

- Это ты на сквозняке засиделся? Или как тебя так угораздило? - поинтересовалась Арлетта, не став делать замечание, что всегда проще спросить у хозяйки, чем пытаться самому нарыть в чужих шкафчиках аспирин, а порой так даже и сама хозяйка не в курсе, где у неё что. И прищурилась, выглядывая в ауре юноши, какие еще наличествуют проблемы кроме очевидного заложенного носа.

По-хорошему, Арлетте как дежурному давно пора было подрываться и спасать трагически гибнущий в расцвете сил организм. Но всё никак не получалось сообразить, что да, простуда - это тоже чрезвычайное положение, красный флаг и всё такое прочее.

Тео Чун

Ха-ха, ну да, давайте посмеемся над бедным больным Тео. Ехидный намек от внимания младшего, даром что он был больным, беспомощным и вообще, одной ногой в могиле, ускользнуть не смог, так как Тео был поразительно внимателен ко всему, что касалось лично его, и удивительно рассеян, когда дело его не касалось. Он обиженно засопел (скорее сказать - загудел) заложенным носом, но поперхнулся и закашлялся. Обиженную месть было решено отложить до лучших времен. Прокашлявшись с таким звуком, словно мучительно пытался выплюнуть свои собственные легкие, Тео попыток найти что-нибудь дельное не прекращал, хаотично и непоследовательно выдвигая то один, то другой маленький ящичек. Остатками разума он подозревал, что делать это в присутствии мастера, стоя к нему спиной, да еще таким образом вопиюще игнорировать ее тут пребывание - это верх наглости, но вопрос сохранения собственной жизни был для него все-таки важнее, чем то, что о нем могут подумать. Да разве о нем можно подумать что-то плохое?! Конечно же нет, он же Тео! Словом, глас совести если и был, то совсем невразумительным. А у него уважительная причина - если он тут умрет и начнет тухнуть, никому от этого хорошо не станет. Особенно ему самому.

- Да чдоб дебя! - ругнулся Тео, когда на пол из очередного ящичка посыпались какие-то сухие и легкие комочки травы - то ли чай, каким его любят скручивать, чтобы он потом раскрывался в чашке цветком, то ли еще какая-то такая же хрень. Жизнь несправедлива. Тео захотелось порыдать и побиться головой об стену, потому что он чувствовал, что если наклонится - то останется в таком положении на всю свою жизнь. Ситуация складывалась патовая.

- На скводдняке, - все же присев с осторожностью, отличающей сапера (или опытного карманника), Тео принялся собирать все рассыпавшееся добро. Не говорить же Арлетте, что днем ранее у него была невероятно увлекательная рабочая поездка в Тяньцзинь, потому что там нужно было уладить проблемы с портовой голью, сколотившей очередную банду.

Арлетта Давенпорт

Да-да, согласна, машинальное пожелание здоровья оказалось не только неуместным, а даже и каким-то насмешливым. Тео вполне предсказуемо на эту реплику отреагировал нервно. И попытался обиженно засопеть - то бишь проделать ровно то телодвижение, которое в условиях наглухо заложенного носа становится

сопряжено с определенными трудностями, даже при внешней-то простоте.

Пока Тео вымученно кашлял, Арлетта, заблаговременно прикусив язык и удержавшись от очередных "не более", которые были бы опять откровенно не в тему, рассматривала ауру юноши. Скопившаяся в носоглотке ша-ци, в принципе, ничего нового американке не сказала - эта сочная простуда и любому непосвященному человеку была видна невооруженным глазом. Зато взгляд неприятно царапнуло достаточно обширное тёмное пятно в области головы и ощутимо Арлетту озадачило. Обозвать пятно опухолью Давенпорт не сообразила - не встречалась раньше с раковыми опухольями лицом к лицу, спусковой крючок в памяти пребывал пока в глубоком неактиве. Поэтому вопрос "а что это там такое чернеется?" так и оставался висеть на повестке дня. А потом Тео донельзя изящным движением вывернул на пол содержимое одного из ящиков.

Давенпорт чуть слышно чертыхнулась, сбиваясь на писк, потому что логическая выкладка получалась очень простая: если за гибель запасов и будут раздавать клизмы с патефонными иголками и вечные наряды по вычесыванию персидских котов, то в первую очередь под раздачу попадёт не тот, чьи беспокойные ручки всё это устроили, а тот, кто прямо под рукой и в момент трагедии дежурил. Сделав этот нехитрый вывод, Арлетта бросилась на помощь к Тео, помогая собирать обратно в ящик рассыпавшуюся траву. И предложила, стараясь, чтобы у её слов не было неслышимого, но четкого окончания "пока ты здесь ещё что-нибудь не перевернул": - Нужную траву здесь до следующего лета искать можно. Давай, может, я просто тебя вылечу, и не будем травяными настоями усложнять?

Потому что траву пока заваришь, пока её перед этим найдёшь, пока она подействует... Честное слово, удалить ша-ци руками должно быть быстрее.

Тео Чун

- Да де дадо, - снова прогундосил младший, гордость которого внезапно не позволила вот так просто принять постороннюю помощь. Хотя, вероятно, это были те самые вопли недоделанного врачевателя, коим Тео изредка себя считал. Хоть и сейчас не знал, как вообще лечить простуду. Ей-богу, лучше бы он сломал ногу, руку или тот же нос, чем просто умудрился заболеть на ровном месте. От него было больше вреда, чем толку, поэтому он скорее делал вид, что все собирает, чем в реальности собирал, потому что голова (или нечто другое, но Тео предпочитает думать о голове) перевесила, и он просто сполз по стеночке на самый пол, где и уместил свое седалище. Все, никуда он отсюда не пойдёт, прямо тут ляжет и умрет. Так и знайте.

И вообще было обидно, что именно вот сейчас, когда ему так плохо и хочется, чтобы за них поухаживали - принесли горячий чай, поправили одеяло, поставили градусник, ну что там еще делают, когда нормальные люди болеют - совершенно некому это сделать. И даже не к кому пойти и поныть, как все ужасно и что жизнь так несправедлива, потому что вчера все еще было нормально, а сегодня ну хуже некуда. Он даже не хотел, чтобы его лечили. Он просто хотел, чтобы его немножко любили.

- Дудше пдосто пожалейде медя? - с надеждой предложил он, разом превращаясь из взрослого двадцатилетнего мужика в мелкого шестилетнего мальчика, которому нужно, чтобы его гладили по голове и приговаривали, чтоб у собачки болело, у кошки тоже болело, а у него вот все зажило. При этом способе лечения

гордость помалкивала в тряпочку и благоразумно не вякала.

Арлетта Давенпорт

- Уверен, что не надо? - уточнила Давенпорт, свято убежденная в том, что её дело не петушиное - прокукарекать и дальше помчаться, если попался ндравный пациент, а куда более серьёзное, и гордому самостоятельному человечку все же стоит намекнуть, что он в данной ситуации не прав. А пока в ожидании волевого мужского решения Давенпорт собирала рассыпавшуюся по полу траву - Тео в очередной раз хлюпнул носом и сообщил, что для скорейшего выздоровления его нужно понимать, любить и жалеть, тогда никакой насморк не устоит, убоится и рассосется сам собою. Арлетта после такого заявления уставилась на Тео в откровенном замешательстве - и едва не разроняла обратно только что подобранную с пола траву. Как-то совершенно Давенпорт не предполагала, что здоровенный двадцатилетний лоб может явиться в лазарет за тем, чтобы его здесь обняли, погладили по головке и утешили. Ан нет, сидит вот, несчастный и трогательный. И честно ждет, когда его начнут жалеть.

Приказать донельзя трогательному товарищу вести себя по-взрослому и не дурить Арлетта не сумела - язык не повернулся. Но в первые секунды честно растерялась - её маленькие мужики, схлопотав простуду, предпочитали слабины не давать, знаком отвергать любую попытку подступиться к ним с утешениями и тихо, гордо умирать. И только потом осторожно, не зная, зачтется такая попытка пожалеть или нет, погладила Тео ладонью по голове и сочувственно спросила: - Это что же, с самого утра такая напасть?

Тео Чун

Уверен он был только в том, что он скоро и болезненно скончается. А совсем не в том, что ему не надо помогать. Надо конечно, только вот запихнуть бы гордость куда подальше, и пусть его лечат и жалеют. Хотя его и так жалеют. Но как-то не так, знаете, жалеют, как-то неискренне что ли. И неловко. Так что Тео удовлетворен этой лаской не был, оскорбленно отодвинулся, мол, я сам умру, и решил, что раз с этой стороны ловить нечего, то придется все же наступить на горло своей гордыне, заткнуть ее визгливые вопли кляпом и лечиться более традиционными методами. Вид он принял героический, но жалкий. Жалко героический, в смысле. Ни дать ни взять один в поле воин, на последнем издыхании.

- Ага, - гнусаво поддакнул он, громко шмыгая носом, потому что с него начинало предательски течь. Тео ненавидел свое такое состояние. Он ненавидел болеть. Ненавидел быть слабым и разваливающимся. Хоть и старался вытащить все максимальные плюсы из этого состояния. Но слабым все равно быть невыносимо хреново. - С самого.

Возможно, если бы Тео после памятной поездки в порт не поперся в монастырь, а остался дома, то скорее всего избежал бы неожиданной болезни. Но, простыв на ветру, он еще добавил перелетом и долгой дорогой до монастыря, ослабив и без того болевающий организм. И как итог - свалился трупом в самый идиотский для этого момент. Летом. Глупее не придумаешь.

- Ходя вообде-то надо, - через силу признал младший, посмотрел несчастно, но очень гордо, на Арлетту, и вытер слезящиеся глаза, а потом выразительно чихнул.

Поставил, значит, окончательную точку. - Я бы и сам мог, да не знаю как.

Арлетта Давенпорт

Арлетта бойко кивнула, как ей показалось, уловив намек на то, что от нее требуется прочитать Тео маленькую дружественную лекцию, ориентированную на немедленное практическое применение. И кратко задумалась, подбирая слова, которые сейчас должны были прозвучать уместнее и правильнее всего. Оратор из Давенпорт всегда был аховый, со стремлением перекашиваться не в ту сторону, в которую хотелось бы ее собеседнику. Человека, в теме не разбирающегося, американка от щедрот душевных всегда была готова закидать непонятными новичку терминами, а перед собеседником опытным, напротив, по неясной самой себе причине все упрощала до неприличия.

- Ну смотри, как более долгий и муторный, но технически более простой вариант - можно избавиться от симптомов по отдельности, - предложила Арлетта. - То есть, можно голубой энергией и насморк снять, и температуру сбить, и горло подлечить, один цвет со всем этим вполне справится. Но в таком случае внутри останется сидеть вирус, и есть риск, что температура и сопля до колен вылезут снова, в самый неподходящий момент. Отсюда получаем второй способ борьбы с простудой. Можно ликвидировать собственно вирус, но это технически немного сложнее. Вирус выводишь наружу как негативную энергию, которая копится там, где самым пышным букетом цветут симптомы. Вот у тебя сейчас простуда, значит, ша-ци собирается в носоглотке, - объяснила Давенпорт, пытаюсь максимально четко разложить все по полочкам, но при этом не скатиться до объяснений совсем уж на пальцах. И с легкой тревогой приподняла бровь: хоть с объяснением-то все срослось? Или опять сейчас что-нибудь выйдет боком?

Тео Чун

Объяснения Арлетты Тео потерял уже на моменте раздвоения путей. То есть он-то вот слушал, но дошла ли необходимая информация до его больного мозга - это было вилами по воде писано. Он честно старался все запомнить, често попытался повторить про себя, но завяз еще в самом начале, да так там и остался, как в густом болоте. Термины были знакомыми, цвета тоже, да и вообще логика прослеживалась, но...не срослось все это воедино, оставшись разрозненным набором способов и симптомов. Тео несчастно посмотрел на Арлетту (это все из-за слезящихся глаз).

Нужно было уже признаться, Тео - бездарность. Нет, простите, не в этом признаться. А в том, что в таком состоянии он не мог. Ничего не мог, не говоря уж о том, чтобы помогать себе самому. И это признание было бы первым шагом на пути к излечению. Но Тео был упрямее самого упертого барана, и смотрел на Арлетту, как на новые ворота. В том смысле, что вроде все понял, но как-то не очень.

- Может, все-таки дудше ромашку? - с надеждой уточнил он, пытаюсь не распускать собственный сопливый нос на очередное извержение. Говорила ему мама, носи платок с собой, будешь приличным человеком. Тео сначала носил, потом потерял, да как-то на этом все и закончилось. И вообще он платком чаще кровь с разбитого лица и рук вытирал, что использовал его по прямому назначению, отчасти потому, что последний раз болел незнамо когда. - И подежать...

Нет, лежать на полу было плохо. Лучше лежать на кровати, конечно же, но вот кто

бы еще после этого о нем заботился -чай, плюшки, холодный платок на лоб умирающему. Черт побери, ну почему это все происходит именно с ним? Лучше бы ногу сломал.

- Я все поняла, - признался он, - До походу, ничедта.

Арлетта Давенпорт

Ясно. Понятно. Опять все выходит боком, вон, ребра пересчитать можно.

В целом, Арлетта была способна понять Тео - когда сопливишь и температуришь, мозг особенно работать не хочет. Мозг хочет в отпуск, к пляжу и пальмам, а вы тут со своими цветами и методами лечения к нему лезете.

И все же Давенпорт удивлённо приподняла брови, когда услышала о надеждах, возлагаемых юношей на ромашку. В голосе Тео девушке послышалось здоровое желание пойти обходным, менее напряженным путём, никакой простудой не убиваемое. Даже наоборот, простуда такие наклонности, можно сказать, поощряет и культивирует.

- Можно и ромашку. Только я понятия не имею, как долго ты с ней будешь носиться, - коварно сказала Арлетта. - Пить отвар ромашки надо каждые три часа. То есть как бы инструкция уже не предполагает, что всё пройдёт мгновенно, как сон пустой. А дальше все зависит от того, каких размеров простуду ты успел отрастить у себя в горле. Может, и недельку на ромашке посидишь. С насморком, с температурой - словом, с полным букетом, сам знаешь, что туда входит, не мне тебя стращать. Но вообще - да, ромашку можно, конечно.

Давенпорт к самой себе порой применяла подобный метод убеждения, когда просто слова "надо" не хватало и очень уж хотелось как-нибудь так устроиться, чтобы поменьше напрягаться. Джастин эту методу называл "нарисовать Апокалипсис" - Арлетта, порой преувеличивая, старательно убеждала саму себя, что менее напряжный вариант на самом деле включает в себя большее количество проблем, чем тот, где требуется взять себя за шиворот и заставить долго ли, коротко ли, но пахать.

Ну и почему бы на посторонних этот метод тоже не попробовать. Вдруг на ком ещё работает, кроме самой себя.

Тео Чун

Вилы. Тео угрюмо хлюпнул, затем чихнул.

Затем, с видом как минимум народного витязя, идущего один против целой ватаги коварных и опасных противников, выпрямился и постарался выпятить грудь, внутри которой что-то неприятно заломило. Поэтому он закашлялся, сдулся и постарался выпячивать не так откровенно и геройски. Не обязательно обладать обхватом груди в полтора метра, чтобы выглядеть солидно, н-да.

- Ду дадно, - вздохнул он, снова вытерев слезящиеся глаза. Смирился, то бишь, с тем, что его сейчас будут лечить всяческими магическими способами, не давая ему залить за воротник ромашковую настойку. Нет, ему было не стыдно, что он ведет себя как ребенок. Он даже не сильно догадывался о том, что его поведение далеко от нормального поведения взрослого человека. Что взрослый человек, вообще-то, на минуточку, стоически терпит все лечение любыми предложенными ему видами и не жалуется, а еще доверяет лечащему ему врачу как господу богу. Не то, чтобы Тео

не верил Арлетте, все же та была мастером, да и была сведуща во врачевании, но у мужиков вообще все набекрень в мозгах, когда у них температура приближается к смертельной отметке в 37,2.

- Тодько я с пола встаду, - предупредил он, цепляясь за стену и силой мысли и упрямства поднимая себя из мертвых. Голова казалась тяжелее всех его грехов. Впору было подумать о настигшей его карме. Тео даже чуть было не подумал о том, что воровать перестанет, если выживет. Но все-таки не решился давать такие уверенные клятвы, опасаясь, что не сможет их сдержать в достойной мере.

- Я эдо...годов, - и постарался встать по стойке смирно.

Арлетта Давенпорт

То, что безыскусные запугивания вдруг сработали и склонили чашу весов в нужную сторону, Арлетту удивило и не удивило одновременно. С одной стороны, саму Давенпорт подобные проповеди неизменно и очень правильно устрашали, почему бы на кого-то постороннего им не оказать столь же живительный эффект? А с другой стороны - Арлетте как-то всегда казалось, что Тео выше того, чтобы поддаваться подобным дешевым манипуляциям. Видно, простуда уже так разрослась и так молодого человека достала, что желание наконец от нее избавиться затмевало собой все остальные мысли, даже самые правильные и здравые.

Пока Тео старательно выравнивал себя по стеночке - Арлетта так и не поняла, зачем ему вдруг срочно уперлось это сделать и почему лечиться непременно нужно стоя навтыжку, но, как говорится, Моцарту видней, маэстро знает лучше - Арлетта успела еще раз мухой метнуться на улицу и набрать в миску прохладной воды. До того уровня мастерства, который позволяет просто небрежно стряхивать ша-ци из руки на землю, девушка еще не доросла, поэтому пока приходилось прибегать к разным подручным средствам. Оранжевой энергией Сватхистханы Давенпорт обтянула ладони, словно перчатками покрывая пальцы водой. И на коротенькую долю секунду ощутила себя бейсболистом-кетчером, только ловить придется не мяч, а ша-ци.

- Для начала, дыши, - полуразрешила-полуприказала Арлетта, проходясь голубой энергией по ауре Тео, словно выжигая приспешников болезни напалмом, и перво-наперво заглушая так мешающие парню жить симптомы простуды. Раз корень проблемы уже ясен, можно без особых угрызений совести обкорнать все то, что сверху понаросло. Да и к тому же, очень уж хотелось, чтобы Тео начал смотреть на мир не с такой глухой безнадегой во взгляде, а чуть веселее. Ша-ци потихоньку меняла место жительства, переползала к Арлетте на руки, и покрывающая пальцы вода начинала отчетливо темнеть. Как бы это ощущалось голыми руками, если бы все осело прямиком на коже - девушке даже представлять не хотелось.

Тео Чун

Тео послушно выдохнул и приготовился к лечению, словно над ним должны были проводить какую-то серьезную смертельно-опасную операцию. Однажды он уже пережил подобную, благодаря чему у него половина башки титановая, можно не только орехи колоть, но и стены пробивать, и вот как раз с тех пор Тео отчетливо ненавидел клиники и все, с ними связанное. Врачей, лекарства, все эти скальпели, простыни и прочую хирургическую муть. Он вроде как и к врачеванию хотел начать

относиться прохладнее, но неувязочка вышла, не смог.

Энергия от рук Арлетты приятно холодила воспаленное горло, так холодит только голубая или синяя. Но скорее голубая - ощущения от нее как от прохладной освежающей воды, тогда как синяя - жидкий азот, замораживающий любую чувствительность. И как он сам не догадался сразу...Желание выплевывать легкие потихоньку проходило, да и дышать становилось все легче. Голова вроде не такая тяжелая уже, и наконец из носа перестало неумолимо течь, словно из протекающего крана.

- Здорово, - он, особенно не двигаясь, кивнул на потемневшую на руках врачевательницы воду, которая собрала в себя всю накопившуюся в нем ша-ци. - Я так не умею, мне сжигать приходится. На руках как сажа потом, - голос приобретал привычные нотки, исчезла гнусавость, которая так бесила младшего из близнецов. Мать тоже собирала все в воду, а потом стряхивала ее в сторону, как всегда чистенькая и беленькая, аккуратная, словно только что вышла из дорогущего салона красоты. Тео по сравнению с ней выглядел мясником, нещадно терзающим человеческую плоть.

Арлетта Давенпорт

Арлетта чуть было не проговорила, что она сама умеет плохо. Что в голове сейчас лежит тот мозг, который ответственен за врачевание, и магия Воды в него вшита косо-криво, абы как, лишь бы помещалась. И что вода, в которую так удобно собирать ша-ци, держится на пальцах вовсе не так легко, как хотелось бы, и заставлять ее облегать ладонь - это пока еще вполне себе отдельное упражнение, не хуже, чем самостоятельная тренировка. Обо всем этом Арлетта подумала моментально, всего за пару секунд перебрав все тревожащие ее мысли. Но озвучивать их не стала. Вот если бы могла поделиться какими-нибудь мудрыми мыслями на эту тему, дать с высоты опыта полезный совет - тогда совсем другое дело. А рассказывать, как у тебя, убогой, все из рук валится, совершенно ни к чему.

- Да уж, со стихией мне повезло, я в какой-то момент это очень оценила, - признала Арлетта, придирчиво собирая остатки отравлявшей Тео жизнь ша-ци. Вовремя поймала скользнувшее было на язык "а некоторым вот даже и с огнем не повезло, они все в себя тянут, как пылесосы", сбросила потемневшую воду обратно в миску и заявила, напоследок подкрепляя иммунитет юноши порцией зеленой энергии, чтобы простуда не вернулась к пациенту при первой же возможности: - Ну вот, нарекаю тебя выздоровевшим. Жизнь обрела прежние яркие краски?

Про саму себя Арлетта всегда была готова сказать - у нее в таких случаях жизнь даже как будто становилась ярче прежнего. Потому что с простудой жить совершенно невозможно, это как раз то самое "сделай человеку плохо", отмена которого творит чудеса. Вроде бы ничего такого, просто снова начинает дышать нос, как ему и положено по умолчанию, да происходит еще несколько перемен в том же духе. А облегчение порой - абсолютно несоразмерное этим переменам, огромное, как будто новое лицо отросло взамен прежнего, безнадежно вирусом испорченного.

Тео Чун

- А я, как ни пытался, не могу в магию воды, - покаялся Тео, возвращаясь из состояния полутрупа в весьма живенькое тельце. Он даже один раз сходит на мастер-класс, который вела матушка, надо было то ли заморозить воду в чашке, то

ли разморозить ее, в общем, что-то из этого. Так вот Тео промаялся все полчаса, да так и вернул матери обратно чашку без единого признака магического над ней воздействия. Вот если бы велено было вскипятить, то это он всегда пожалуйста, только попросите.

- Спасибо, - душевно поблагодарил младший из близнецов, поднимаясь на ноги, чтобы проверить - не лопается ли голова при первом же неосторожном движении? Не ведет его, болезного, в сторону? Но нет, все было более чем прекрасно, и Тео даже почувствовал воодушевление и желание дальше жить и радоваться этой жизни. Хотя она обошлась с ним весьма сурово. - А то, жить сразу захотелось. Я ж теперь совсем как новый стал!

Хотел было спросить, как она это сделала, да как-то запомнил, потом как-нибудь сам разберется, да у матери спросить, если что случится снова.

- Ну, я откланяюсь тогда, - решил он, и правда отвешивая несколько старомодный театральный поклон. - Если что нужно будет - только скажи, я к услугам, в долгу, и все такое, - он широко улыбнулся, подмигнул, да и был таков.
